

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

ЗАКЛЯТИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Серия «Эксклюзивная классика»

Предисловие и перевод с английского
М. Клеветенко и Е. Доброхотовой-Майковой

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Бронте, Шарлотта.

Б88 Заклятие : [сборник] / Шарлотта Бронте :
[перевод с английского Е. М. Доброхотовой-
Майковой, М. В. Клеветенко]. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Эксклюзив-
ная классика).

ISBN 978-5-17-188234-1

В сборник включены ранние произведения автора знаменитого романа «Джейн Эйр». Действие данных ювенилий разворачивается в Англии, вымышленной британской колонии где-то в Африке, а в центре сюжета оказываются противостояние двух выдающихся личностей — Артура Уэлсли, герцога Заморны, и Александра Перси, графа Нортенгерленда. Уже в этих захватывающих историях о любви и дружбе, верности и предательстве, становлении и крахе государств чувствуется большой талант их создательницы — живое изображение Шарлотты Бронте, яркие описания персонажей и мрачная готическая атмосфера.

Помимо заглавной повести «Заклятие» в издание вошли «Моя Ангрия и ангрийцы», «Текущие события» и «Возвращение Заморны».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова, 2026

© Перевод. М. Клеветенко, 2026

© Предисловие. Е. Доброхотова-Майкова, М. Клеветенко, 2026

 Школа перевода Баканова, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-188234-1

Предисловие

Жила-была девочка. Одаренная богатым воображением, редким остроумием и живой душой. В те времена в йоркширской глуши, где она родилась, Интернета не было, не было кинотеатров, только книги, потому ничто не стесняло полета воображения. Разумеется, она много читала, все больше романтиков, повествующих по обычаю ее века об inferнальных злодеях, бессердечных и неотразимых героях, пылких и самоотверженных героинях. А еще она была фантастически талантлива, а талант требует выхода. Что оставалось делать? Писать фанфики! Нет, она не сочиняла продолжений к романам Вальтера Скотта и поэмам Байрона — она создала целую вселенную, населенную вальтерскоттовскими и байроническими персонажами.

Если с чем девочке и повезло, так это с компанией. С братом и сестрами — с ними было так весело сочинять мир, где правили гордые и неотразимые монархи, где интриговали, заводили романы, разбивали сердца, издавали журналы и сочиняли

поэмы. Мир, в котором воды Нигера разбивались о гвинейский берег, трепетали на ветру алые полотнища флагов, бушевали африканские страсти.

И кажется, что нет ничего банальнее таких миров, но ее мир благодаря силе воображения, красоте слога, а главное, остроумию, смягчающему неловкие красоты (не сразу, ох не сразу девочка научилась сдерживаться и загонять себя в жесткие рамки), ожил.

Между тем девочка росла, и жизнь ее не баловала — ее любви оказывались по большей части воображаемыми или неразделенными, брат и сестры умерли молодыми. Стоит ли винить ее за то, что в зрелые годы сказка уступила место мрачному готическому миру, порождению одиночества и экзальтированности? И стоит ли удивляться, что ее знаменитый роман до сих пор находит отклик во взыскующих романтики женских душах, мало изменившихся за прошедшие века?

Рабским трудом гувернантки и учительницы (главным образом потому, что нелюбимым — наверняка прачке или кухарке кусок хлеба в те времена доставался куда тяжелее) она зарабатывала на жизнь. За полгода до смерти вышла замуж — вероятно, устала ждать своего Рочестера-Заморну, вероятно, не за ровню в интеллектуальном смысле; впрочем, хочется верить, что те полгода, которые им довелось делить кров, Артур Белл Николс с женой жили душа в душу. Фотография преподобного Николса ничего не скажет пытливому взгляду, но, как бы то ни было, книжечки, переплетенные

в кожу, он сберег. Не дожив до тридцати девяти, миссис Николс умерла — от токсикоза, туберкулеза или тифа или чего-то еще, что лечить в те времена не умели.

Приходится признать, что судьба, которая поначалу сулит исполнение желаний всем юным и пылким, не сдержала обещания: во взрослой жизни девочке не выпало ни великой любви, ни славы, которая пришла бы под руку с достатком. Впрочем, слава явилась посмертно. Прихотливая слава писательницы, в единственном романе которой за надрывом и роковыми страстями почти невозможно разглядеть юную насмешницу с нежной душой.

Мы не знаем слов, которые могут убедить человека, обладающего литературным вкусом, взяться за чтение ювенилий Шарлотты Бронте. И все-таки попробуйте, потому что обидно разминуться с чудом. Ибо чудо в печальной истории ее жизни все-таки случилось — желтенькие листочки, накорябанные мелким почерком, уцелели, сохранив для тех, кому это нужно, ее мир — мир девочки, писавшей фанфики.

В сборник вошли несколько повестей, написанных Шарлоттой Бронте в 1834—1837 годах, то есть в восемнадцать-двадцать лет. Их действие происходит в Витропольской федерации — придуманном детьми Бронте государстве на берегу Гвинейского залива. Согласно карте Брэнуэлла, столица федерации — Витрополь, или Великий Стекланный город, стоит в устье реки Нигер. Се-

вернее, в горах, расположена Хитрундия, которой правит король Александр; она примерно соответствует Шотландии, ее жители говорят с шотландским акцентом, носят шотландскую одежду и тому подобное. На западе Федерации лежит Веллингтония, ее король — герцог Веллингтон, любимый герой Шарлотты. Жители Веллингтонии (иногда называемой Сенегамбия) — ирландцы, как и сами Бронте; это черноглазые и черноволосые аристократы, с презрением взирающие на мужланов из Земли Парри и Земли Росса, расположенных между Веллингтонией и Витрополем. В заливе есть несколько больших островов; ближайший к Витрополю — Французия со своим Наполеоном, Талейраном и прочими заметными деятелями настоящей Франции. К 34 году Шарлотта и Брэнзуэлл сочиняли свои африканские истории уже пять лет. Изпод их пера вышло множество героев, каждый со своим характером и биографией. Поскольку юные Бронте писали друг для друга, не рассчитывая на будущих читателей, в их персонажах легко запутаться; для удобства читателей кратко перечислим основных. Поначалу главным героем Шарлотты был герцог Веллингтон, но к 1834 году он давно отошел на задний план, уступив место сыновьям. Старший, Артур Август Адриан Уэлсли, маркиз Доуро, герцог Заморна — красавец, поэт и воин, неотразимый для женщин. От первого, мorganатического, брака с баронессой Гордон у него есть сын Эрнест Фицартур, от второго, с Флоренс Марианной Хьюм, — сын Юлий. Марианна умерла от

чахотки после того, как Доуро ее разлюбил, и теперь он женат на Марии Генриетте Перси, дочери графа Нортенгерленда. Нортенгерленд (Александр Перси, лорд Элрингтон, называемый также Шельма) — герой Брэнуэлла, inferнальный злодей ангельски прекрасной внешности, раздираемый необоримыми страстями. Он безумно любит дочь, а вот от сыновей — Эдварда и Уильяма — отрекся, и они вынуждены были сами пробиваться в жизни. Сейчас Эдвард — преуспевающий фабрикант, Уильям — молодой офицер; они люто ненавидят друг друга. Нортенгерленд женат на леди Зенобии Элрингтон, которая была без памяти влюблена в юного Доуро, а когда тот ее отверг, вышла замуж за Перси. Доуро и Нортенгерленд совместно выбрали из областей, лежащих к востоку от Витрополя, воинственных ашанти, за что Доуро получил титул герцога Заморны и корону созданного на отвоеванных землях государства Ангрии; Нортенгерленд, несмотря на долгую историю своих преступлений (он был пиратом, затем неоднократно поднимал восстания в разных частях Витропольской федерации), стал премьер-министром. Провозглашение английской независимости вызвало недовольство многих витропольских политиков, в частности Харлау и Ардраха, наследных принцев Земель Росса и Парри, а вот наследный принц Хитрундии — Джон, герцог Фиденский, — сохранил верность своему другу Доуро. Военные конфликты внутри Федерации — передвижения войск, маневры, битвы — подробно описал Брэнуэлл, не забывая

всякий раз указывать огромное число погибших. Читать его сочинения трудно и больно. Очевидно, творческий расцвет этого странного, рано сгубившего себя юноши пришелся на пятнадцать-шестнадцать лет, когда написаны повести, в которых особенно заметно влияние сестры: «Пират» и «Политика в Витрополе».

Шарлотту больше занимали любовь и светская жизнь. Соответственно, таковы же интересы ее рассказчика — Чарлза Альберта Флориана Уэлсли, младшего брата маркиза Доуро. Довольно трудно сказать, сколько ему лет. В первых африканских повестях Шарлотты Артур и Чарлз — погодки; в «Заклятии» Артуру двадцать один, а Чарлз — мальчик, которого берут на руки и сажают на колени (однако при том уже автор множества прославленных романов). Благодаря своему неистребимому любопытству и невероятной пронырливости Чарлз знает про всех все, однако читатель должен быть осторожен: верить Чарлзу нельзя. Чтобы оклеветать ненавистного старшего брата, он может изложить версию событий, никак не связанную с реальностью (если в данном случае применимо слово «реальность»). Таково «Заклятие», сочиненное, как признает сам Чарлз в предисловии, ради мести. Таков написанный в тот же год «Лист из неоткрытого тома» — «самое мелодраматичное и неприятное из ее сочинений», как отозвалась о нем Фанни Речфорд, одна из первых исследовательниц детского творчества Бронте. Роман якобы продиктован лорду Чарлзу таинственным зловещим персонажем (по описанию

сильно смахивающим на дьявола, а может быть, на Брэнуэлла) и рассказывает о событиях, происходящих в 1858 году, то есть через двадцать четыре года после того, как Чарлз их описывает. По числу обнаруженных при самых драматических обстоятельствах незаконных детей «Лист» даст фору любой мыльной опере, уступая разве что «Вильгельму Мейстеру» Гете. Присутствуют пытки, казни, похищения, покушения на жизнь монарха (два или три) и сыноубийство (одно). Заморна (теперь он император Адриан) в свои сорок пять так же невероятно хорош собой (хотя куда более суров), Нортенгерленд (в семьдесят) — тоже. Не создается впечатления, что это и впрямь будущее, придуманное Шарлоттой для своих героев, поскольку уже в «Заклятии» события поворачивают в русло, которое никак не может привести к «Листу из неоткрытого тома»; скорее всего, Чарлзу-Шарлотте просто захотелось сочинить нечто душераздирающее.

Произведения, написанные Шарлоттой в этот период, очень интересны для изучения ее творчества. Она то и дело скатывается в мелодраму; практически безупречное умение строить повествование, заметное уже в самых ранних вещах, временами ей изменяет, язык становится путанным и тяжелым. В «Моей Англии и англичанах» и «Текущих событиях» есть прелестные эпизоды (одна пародия на Брэнуэлла, выведенного под видом поэта-живописца-революционера-фабриканта Патрика Бенджамина Уиггинса, в самых нелестных выра-

жениях рассказывающего Чарлзу о своих сестрах Шарлотте, Эмили и Энн, искупает все недостатки книги), однако в целом они рыхлые, а монологам героинь отведено непропорционально много места. В последних юношеских романах Шарлотты — от «Мины Лори» до «Каролины Вернон» — этих недостатков нет, видно, что все это время она училась. Мы надеемся, что эти неровные, уже не детские, но еще и не зрелые произведения тронут читателя, позволят ему краешком глаза заглянуть в странную душу девушки, которой предстояло написать одну из самых прославленных книг в истории мировой литературы.

*Е. Доброхотова-Майкова,
М. Клеветенко*

ЗАКЛЯТИЕ¹

Фантасмагория

Сочинение Лорда Чарлза Альберта
Флориана Уэсли²

Я даю вам сырой материал — слова и предоставляю вашему мастерству переработать его в готовый продукт —
СМЫСЛ.

*Из предисловия лорда Чарлза Уэсли
к собранию сочинений капитана Древа*

ОТПЕЧАТАНО И ВЫПУЩЕНО В СВЕТ
ДЖОНОМ ДРЕВОМ, ИЗДАТЕЛЕМ
И КНИГОПРОДАВЦЕМ
БИБЛИО-СТРИТ
ВИТРОПОЛЬ

*Можно приобрести также оптом по пенни за
экземпляр на книжном складе Томаса Скрыггса, под
открытым небом, на Кумасси-сквер, в закоулке
рядом с «Головой негра».
Шарлотта Бронте
21 июня 1834*

¹ Перевод Е. Доброхотовой-Майковой.

² Лорд Чарлз Уэсли, младший сын герцога Веллингтона; несмотря на свой нежный возраст, он прославленный литератор, автор нескольких десятков книг.

От автора

Герцогу Заморне не следовало выгонять меня из Уэлсли-Хауса¹, поскольку все нижеследующее написано ему в отместку. Он что, думает, я буду покорно сносить разлуку с невесткой², дамой, которую люблю и почитаю более кого-либо в Витрополе? Думает, я молча проглочу, что она, по его повелению, отворачивается от меня при случайных встречах в общественных местах, а когда я прошу дозволения подсесть к ней в карету, отказывает мне с ласковым сожалением, улыбаясь и качая головой, и (что самое оскорбительное) приказывает меня увести, если я слезами и криками выражаю негодование посреди улицы? Другими словами, неужто он думает, что я тихонько залягу в углу, как побитый спаниель?

Если таковы его мысли, пусть прозреет. Эта книга — месть, и она ему не понравится. В ней я затрагиваю тайные струны его души. Возможно, сторонний наблюдатель и сочтет, что книга ему льстит — по крайней мере часть рассказа идет от имени его жены, — но для самого Заморны она будет невыносима. Некоторые пассажи, содержащие горькую правду, заставят его скрежетать зубами от нестер-

¹ Артур Август Адриан Уэлсли, герцог Заморна, король Англии, сын герцога Веллингтона, передал своего малолетнего брата лорда Чарлза под опеку Уилсона Торнтон, поскольку не мог больше выносить его постоянных подслушиваний и подглядываний.

² Мария Генриетта Перси, вторая жена герцога Заморны, дочь графа Нортенгерленда от брака с покойной Марией Генриеттой Уортон.

пимой муки. Я не волен указывать, какие именно, но он-то их обнаружит и поймет, что хотя бы один человек в Витрополе насквозь видит все глубины, подлинные и мнимые, его двуличной, лицемерной, замкнутой, темной, полубезумной натуры.

Холопы Англии! Свободные люди Витрополя! Я говорю вам, что ваш идол и тиран — умалишенный. Да, все его существо пронизано ядом душевной болезни, родившейся вместе с ним. Временами он действует под влиянием порывов, которым не может противостоять, демонстрирует странную переменчивость, свойственную помешанным, очертя голову устремляется по темным тропкам, прочь от торной дороги здравого смысла и обычая, порою ведет себя как буйный, неуправляемый безумец.

Все это скорее выводится из моей книги, чем говорится в ней напрямую. Читатели не найдут в ней длинных описаний его возмутительных странностей и должны будут делать собственные выводы из намеков, вплетенных в ткань повествования. Посему вот вам моя просьба: дойдя до последней страницы, закройте книгу, выбросьте из головы все фантастические обстоятельства, оставьте лишь те, реалистичность которых самоочевидна, и скажите, вменяем герцог Заморна или нет? Предоставляю вам самим решить этот вопрос. На сем, поблагодарив общественность за прошлую благосклонность и выразив надежду на столь же теплый прием в будущем, остаюсь читающей публики покорный слуга.

Ч.А.Ф. Уэлсли

Глава 1

Юный маркиз Альмейда¹ умер. Это известно всем. Два трона остались без наследника. Ангрия и Веллингтония² ждут, кого нынешний государь объявит своим преемником.

Неумолимая смерть! Все те, кого царственный Заморна поставил сторожить своего первенца, зеницу своего ока, надежду двух королевств, не остановили безжалостного лезвия, что без разбора косит старых, молодых и едва вступивших в земное бытие.

Не помогли усилия светил медицинской науки, раболепное внимание сотен слуг, материнские заботы Мины Лори³, некогда спасшей отца, но не сумевшей выходить сына, храмовая тишина уединенной сельской усадьбы, целительный воздух древних лесов и благоуханных лощин, среди которых она стоит. Не помогло и отчаянное желание, до последней минуты наполнявшее душу Заморны: желание, чтобы тот, кого он любил с безграничной, не подвластной словам силой как по-

¹ Артур Юлий Уэлсли, лорд Альмейда, сын герцога Заморны от первой жены, Флоренс Марианны Хьюм, умершей от чахотки после того, как муж ее разлюбил.

² Ангрия — недавно созданное королевство Заморны; Веллингтония — королевство его отца, герцога Веллингтона.

³ Горничная матери Заморны, затем его жены Марианны, воспитательница его детей, его преданная возлюбленная на протяжении всей жизни. О том, как Мина спасла жизнь Заморны (тогда еще маркиза Доуро), рассказывается в повести Шарлотты «Кое-что об Артуре».

следнюю память об умершей, жил и сохранял в себе ее образ. Он угас рано, не успев узнать, что такое мир, над просторами которого так светло занималась его заря.

Герцог отослал Юлия в деревню, дабы отцовская тревога, растрavляемая хрупким видом этого нежного ростка, не приносила дитяти больше вреда, чем пользы. Знаю, с тех пор как могильная земля сомкнулась над Марианной, герцога преследовал страх, что семя материнской болезни передалось сыну. Он не мог смотреть на алые щечки и блестящие глаза младенца, на белую кожу, сквозь которую просвечивали тонкие голубые жилки. Я часто слышал, как он со стоном проклинал красоту, вызывающую у него нестерпимо-горькие воспоминания, как, подержав на руках миниатюрную копию себя, на краткий миг вспыхивал счастьем и тут же со вздохом, от которого разрывалось сердце, укладывал младенца обратно в колыбель. «Чего бы я ни отдал, — шептал он в такие минуты, — чтобы в моем сыне было меньше хрупкой миловидности. О, теперь я ненавижу, всей душой ненавижу всякую красоту, что слишком эфемерна для человека, всякую тень румянца на щеках, всякую лучистость глаз, в которой слишком много небесного, слишком мало земного. Даже голос, пронзающий сердце внезапным трепетом, меня уже не успокаивает, а мучит».

Когда из Грассмира пришло известие, что ядовитый анчар недуга пустил свои неистребимые